

Русанова И.П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром

Дохристианские места богослужений и жертвоприношений славян известны единицами. Знаменитые храмы балтийских славян, красочные описания которых даны Саксоном Грамматиком и Адамом Бременским [1] и раскопками которых занимался К. Шухардт [2], служили религиозными центрами больших племен и целых областей и относились к сравнительно позднему времени, к XI—XII вв. О существовании храмов на землях восточных славян сообщают арабские источники в рассказе об уничтожении храмов князем Владимиром после крещения: «...храмы идольския и требища всюду раскопа и посече, и идолы сокруши» [3]. Славяне молились и «под овином, под рощением, или у воды» [4]. Л. Нидерле приходит к выводу, что славянские селища и городища изобиловали идолами [5]. Однако археологически исследовано лишь два славянских святилища конца I тысячелетия н. э. — святилище в Киеве [6] и на Перыни под Новгородом [7]. Возможно, небольшими местными святилищами, принадлежавшими только окрестному населению, служили круглые болотные городища, известные на Смоленщине и в других районах [8]. По-видимому, небольшое святилище, имевшее такое же местное значение, было открыто раскопками 1964 г. под Житомиром на р. Гнилопять.

Берега р. Тетерев и его притока Гнилопяти во второй половине I тысячелетия н. э. были заняты многочисленными славянскими поселениями и могильниками. Поселения славян в это время располагались отдельными гнездами на расстоянии нескольких километров друг от друга. Одно из таких гнезд находилось в низовьях р. Гнилопяти в 7 км к юго-западу от Житомира. Несколько поселений существовало здесь с VII по IX в. Они занимали излучину высокого левого берега Гнилопяти и дугообразно окружали святилище, находившееся на противоположном берегу реки. Оно занимало один из отрогов невысокого правого берега реки, внешне ничем не примечательного. Это — ровная, лишь слегка покатая к реке площадка без всяких признаков вала или рва. Низкое и укромное место расположения святилища, которое можно было видеть лишь с поселений противоположного берега, а также отсутствие внешних признаков отличает его от большинства известных святилищ славянских и неславянских народов. Особенностью святилища на Гнилопяти является также и то, что берег реки обращен здесь к западу, а не к востоку, как в большинстве случаев бывают расположены мысы берега, на которых находятся культовые сооружения.

На этой площадке берега сразу же под дерном было обнаружено сооружение, слегка углубленное в крепкий материковый песок. Оно было заполнено черной, углистой землей, резко выделяющейся среди желтого песка, и имело почти вертикальные стенки и ровное горизонтальное дно. Глубина его в материке — 40—50 см. В плане оно оказалось несколько причудливой крестообразной формы с четырьмя выступами. Оно ориентировано строго по странам света и в нем несомненно стремление к симметрии (рис. 1 и 2). Размеры его с севера на юг — 14,2 м и с запада на восток — 11 м. В центральной части углубления находился большой столб, несколько сдвинутый к востоку. Он стоял в яме (диаметр ее 1 м, глубина 60 см) и был укреплен большими камнями. К северу и к югу от него симметрично располагались столбы поменьше, окруженные маленькими ямками и рядом камней. Небольшие ямы от столбов образуют полукружия и к западу от центрального столба и в западном выступе. Это расположение столбов несколько напоминает описанное Ибн Фадланом жертвенное место русов. Оно состояло из «высокой, воткнутой в землю деревяшки, у которой имеется лицо, а вокруг нее — маленькие изображения, а позади этих изображений — высокие деревянные, воткнутые в землю» [9].

Вся центральная часть углубления перед большим столбом занята огромным кострищем. Судя по толщине углистого слоя — около 50 см — и по отсутствию стерильных прослоек, можно думать, что огонь горел здесь в течение длительного времени и без больших перерывов. Но отдельные более интенсивные углистые прослойки в слое кострища, а также каменная вымостка, перекрывающая его, свидетельствуют, что перерывы в горении все же были и огонь не был «неугасимым». Кострище, также забросанное камнями, занимало южный выступ сооружения. В нем были найдены пережженные кости крупного животного, возможно, быка [10]. Кострище находилось также и в восточном выступе, непосредственно перед центральным столбом. Оно имело совершенно правильно круглую в плане форму, состояло из очень мелкого угля и было разожжено на тонкой глиняной площадке. Огонь издавна почитался славянами, служил для совершения таинств очищения и гадания, связывался с «небесным огнем» — солнцем и молнией. Огонь всегда сопутствовал культу Перуна: «Ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающий за дубового древня непрестанно паляху» [11].

В северном выступе святилища около северного столба и симметрично около южного на материке лежали большие камни. Они были высечены грубо, но все же имели почти правильную прямоугольную форму и плоские ровные грани размером 40x40 см. Около северного камня найдены пережженные кости птицы (петуха?) и маленькая, очень изящная кремневая стрелка. Возможно, эти камни служили жертвенниками. О принесении в жертву богам быков, петухов и других жертвенных животных есть сведения у Прокопия Кесарийского и Льва Диакона, почитание же «громовых стрел», обладающих таинственной силой и связанных с ударом молнии, было широко распространено у многих народов и в позднейшие времена. «Громовые», или «перуновы», стрелы применялись у белорусов в магических целях — для лечения болезней, для изгнания Нечистой силы [12].

Вход в святилище, по-видимому, находился в южном выступе, где имеется некоторое подобие ступеньки. Симметрично по обе стороны этого выступа попарно расположены ямы от небольших столбов. Может быть, у входа было устроено какое-то загорождение, имевшее очистительную силу, так же как известный этнографически проход под «обыденным» полотенцем [13]. В целом все сооружение не имело перекрытия. Под открытым небом горели большие костры, в определенном порядке стояли большие и маленькие столбы. Значение каждого из выступов сооружения, по-видимому, было различным. В северном и южном из них совершались жертвоприношения животных. Но в отличие от южного в северном выступе не горел костер, не найдена здесь и керамика, в большом количестве встреченная в южном кострище. Обломками сосудов было насыщено все центральное кострище, в нем же найдены глиняные пряслица, железные ножи. Зато восточный выступ совсем не дал никаких находок. Кроме небольшого круглого кострища и неглубокой совершенно пустой ямы, здесь ничего не было. Может быть, к востоку от главного идола сжигались благовония и производились возлияния.

Лепная керамика из святилища типологически относится к периоду, непосредственно предшествовавшему появлению и распространению гончарной керамики. Несколько гончарных обломков здесь найдено, но они составляют всего лишь 6% от общего числа керамических находок. Гончарные сосуды сделаны еще очень примитивно и покрыты неровным волнистым и линейным орнаментом. Лепная керамика также очень грубая, с крупными примесями дресвы в тесте, с бугристой и неровной поверхностью. Украшена она неровными волнистыми линиями или ямочными вдавлениями по венчику. Все эти признаки очень характерны для последнего периода бытования лепной керамики, т. е. для IX в. на этой территории. Керамика такого типа известна на многих памятниках, в том числе на поселении Лука Райковецкая, на селище Хотомель [14]. На поселении, расположенном рядом со святилищем на соседнем отроге берега, точно такая же керамика найдена вместе с бронзовым литым перстнем, имеющим круглый щиток. Цельнолитые бронзовые перстни такого типа хорошо да-

тируются концом VIII — IX вв. [15]. Учитывая появление гончарной керамики, можно считать, что святилище в целом относится ко второй половине IX в.

Культовое значение описываемого сооружения подчеркивается еще и тем, что непосредственно с севера к нему примыкал могильник. Для славян во второй половине I тысячелетия были характерны бескурганые могильники, в которых захоронения совершались по обряду кремации и пережженные кости собирались в глиняные урны, поставленные в очень неглубокие ямки в земле. Могильник около святилища был совершенно таким же, как и известные в ближайших окрестностях могильники у сел Корчак и Тетеревки, т. е. урны с костями были лишь до половины вкопаны в материк и слегка прикрыты сверху землей. Это привело к сильному разрушению могильников в последующее время при вспашке их, но в данном случае интересен сам факт наличия здесь такого могильника. Обряд трупосожжения всегда тесно связан с культом огня и культом бога Солнца.

Не совсем обычным представляется и селище, расположенное на соседнем отроге берега Гнилопяти в 60 м к северу от святилища. Оно было раскопано полностью до его естественных границ (около 2,5 тыс. м²) и оказалось занятым одной усадьбой. В состав этой усадьбы входил большой жилой дом, погреб, мастерская, в которой изготовлялись и обжигались лепные горшки, и не менее чем четырнадцать наземных сарайчиков. Такой обособленный хозяйственный комплекс не характерен для поселений этого времени и, возможно, связан с находившимся рядом святилищем.

Святилище на р. Гнилопяти, конечно, нельзя сравнивать с грандиозными храмами западных славян в Арконе и Ретре, расположенными на вершине высоких мысов, окруженными валами и оградами, со сложными конструкциями самого храма, стены которого были покрыты искусной и богатой резьбой, изображающей людей и животных 1в. Общим между ними может быть лишь то, что во всех этих храмах главные идолы были поставлены в восточной части помещения. Гораздо большее сходство существует между сооружением на Гнилопяти и святилищами на Нерыни и в Киеве. Святилище на Перыни также не имело никаких внешних валов и рвов, было сооружено в земле, перед его центральным идолом горели костры. Сооружение, открытое В. В. Хвойкой в Киеве, состояло из небрежно уложенных неотесанных камней и имело форму неправильного прямоугольника с округленными углами и с четырьмя выступами по странам света. Около этого сооружения и на нем обнаружены зола, уголь, кости животных, фрагменты лепной посуды, глиняное пряслице 17. К югу от этого сооружения находилась гряда пережженной глины, которую В. В. Хвойко считал жертвенником. Четыре выступа, расположенные по странам света, неправильная каменная кладка, «жертвеппик», помещенный с южной стороны, состав находок — все это очень напоминает сооружение на р. Гнилопять. По-видимому, последнее так же, как и памятник, открытый в Киеве, было небольшим открытым капищем, где приносились жертвы богам и совершались молебствия. Есть некоторое основание думать, что капище на Гнилопяти было посвящено Перуну, богу грома и молнии, с культом которого обычно связываются и неугасимый огонь, и принесение в жертву быков, и «громовые стрелы». Культ этого бога существовал уже в VI в. н. э., когда Прокопий Кесарийский писал, что у антов «бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды» 18. В X в. Перун был главным богом в Киеве и стоял во главе пантеона богов, устроенного князем Владимиром: «И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единь, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Смарьгла, и Мокошь» 19. Важное значение Перуна не совсем вяжется с небольшим и скромным святилищем на Гнилопяти. Вполне возможно, что оно было посвящено каким-то менее значительным местным богам, сведения о которых не сохранились и особенности культа которых неизвестны. Об этом могут свидетельствовать в частности, находки в святилище пряслиц, не согласующиеся с обликом грозного и воинственного Перуна. Недос-

татком знаний о памятниках такого рода можно объяснить также необычность формы святилища, не имеющей пока себе аналогий.

1. И.И. Срезневский. *Архитектура храмов языческих славян*. ЧОИДР, 1846, т. 3.
2. C. Schuchhard t. *Arkona — Relhra— lineta*. Berlin, 1926.
3. «Память и похвала князю Владимиру и его житие». «Записки Академии наук по ист.-фнлол. отд.». т. I. СПб., 1897, стр. 4—5.
4. В.Н. Бенешевич. *Сборник памятников по истории церковного права*, вып. I. Пг., 1915, стр. 70—71.
5. Л. Нидерле. *Славянские древности*. М., 1956, стр. 289.
6. В.В. Хвойко. *Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена*. Киев, 1913, стр. 68.
7. В.В. Седов. *Древнерусское языческое святилище в Перыни*. КСИИМК, L, 1953; *О н ж е*. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, 53, 1954.
8. В.В. Седов. *Языческие святилища смоленских кривичей*. КСИА, вып. 87, 1962.
9. «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». М.—Л., 1939, стр. 79—80.
10. *Определение костей сделано В. И. Цалкиным*.
11. ПСРЛ, т. 2, стлб. 207.
12. Н.М. Никольский. *Дохристианские верования и культы днепровских славян*. М., 1929, стр. 10.
13. Д.К. Зеленин. *Обыденные полотенца и обыденные храмы*. «Живая старина», 1911, вып. I.
14. В.К. Гончаров. *Лука Райковецкая*. МИА, № 108, 1963; Ю. В. Кухаренко. *Раскопки на городище и селище Хотомель*. КСИИМК, 68, 1957.
15. В.Ф. Генинг. *Дсметковский могильник — памятник ломоватовской культуры*. «Вопросы археологии Урала», вып. V. Свердловск, 1964, стр. 121.
10. И.И. Срезневский. *Указ. соч.; Л. А. Д и н ц е с*. *Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства*. СЭ, 1947, № 2.
17. М.К. Каргер. *Древний Киев*, т. I. М.—Л., 1958, стр. 110.
18. ВДИ, № 1, 1941, стр. 237.
19. ПВЛ, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 56.
20. *Культура Древней Руси*. М.: Наука, 1966. С. 233-237.